

роль мифологической фантастики доведена до минимума.

По глубине и тонкости анализа, убедительности выводов исследование Ш. Салакая приближается к

лучшим книгам по фольклористике, вышедшим в последнее время.

А. АНШБА

г. Сухуми

ПРОСЛЕЖИВАЯ ПУТЬ ПОЭТА*

Поэзия Э. Межелайтиса — одно из наиболее интересных явлений современной литовской литературы. Последние его книги стихов, особенно «Человек», вызвали живой отклик и во всесоюзной критике. Однако до сих пор в большинстве случаев эти книги анализировались в отрыве от всего творческого пути писателя. Этот пробел в известной мере заполняет критический очерк Й. Ланкутиса «Человек» Э. Межелайтиса.

Очерк Й. Ланкутиса (особенно его литовский, расширенный вариант «Поэзия Э. Межелайтиса», изданный немного раньше) является первой попыткой дать развернутую характеристику творческого развития Э. Межелайтиса, раскрыть внутреннюю логику его поэтического пути. Эта задача тем более интересна, что за последнее десятилетие поэтика Э. Межелайтиса существенно изменилась и, на первый взгляд, черты, общие для более ранней и сегодняшней лирики, так же как и глубинные причины столь резких изменений, трудно уловимы. Раскрыть эти причины — значит постичь также и некоторые общие закономерности развития современной литовской литературы.

В очерке Й. Ланкутиса интересно прослежены истоки лирики Э. Межелайтиса, становление его таланта в

годы войны. Критик стремится раскрыть специфическое восприятие поэтом проблематики эпохи, выявить те черты его ранней лирики (связь человека с землей, с природой), которые ярко проступят в его творчестве в дальнейшем. Однако, пытаясь проникнуть в глубинное содержание произведений, отражающее основные противоречия эпохи, исследователь иногда несколько искусственно «приподнимает» стихотворения Э. Межелайтиса тех лет. Более обстоятельно нужно было бы показать трудности становления его таланта, некоторую склонность молодого поэта к эстетизму, «чрезмерно идиллический, сентиментальный тон» отдельных его произведений.

Содержательны замечания Й. Ланкутиса о развитии поэзии Э. Межелайтиса в сложной обстановке послевоенных лет, о стремлении поэта — не во всем, правда, последовательном — сказать в эти годы «полное слово правды о жизни народа». Критик убедительно раскрывает те способности, которыми лирика Э. Межелайтиса защищалась от «помпезной официальности», пыталась заговорить с читателем простым человеческим голосом. Думается только, что Й. Ланкутис недооценивает последствия свойственных Э. Межелайтису в этот период противоречий для дальнейшей его поэтической судьбы. Создается впечатление, что в последний период творчества, когда отпали чи-

* Йонас Ланкутис, «Человек» Э. Межелайтиса, «Художественная литература», М. 1965, 100 стр.

сто внешние ограничения, все трудности творческого развития исчезли сами собой. Анализ такого произведения переходного характера, как «Братская поэма», в сущности, не раскрывает противоречивости авторской позиции.

В центре исследования И. Ланкутиса стоит книга стихов, удостоенная Ленинской премии, — «Человек». Истоки будущей концепции Человека прослеживаются автором в военной лирике Э. Межелайтиса, в философских обобщениях «Братской поэмы», в стихотворном сборнике «Чужие камни».

В очерке показано значение новаторских открытий поэта в «Человеке», как и то, что изменение поэтического языка Э. Межелайтиса обусловлено возросшей поэтической и общественной активностью писателя, стремлением самостоятельно думать, глубже осмысливать «явления современности, не описывая, не собирая их в стихотворные коллекции, а смело предлагая собственное понимание, свой взгляд на природу этих явлений». Возросшее конструктивное значение слова у Э. Межелайтиса И. Ланкутис связывает с общими тенденциями современного советского искусства, вводит интересные параллели с творчеством других литовских поэтов, с живописью М. К. Чюрлениса.

И. Ланкутис стремится выявить поэтическую концепцию книги Э. Межелайтиса, связать ее с общими тенденциями развития современной литовской литературы. Увы, это не всегда ему удается. Критик намечает общее направление изменений поэтики Э. Межелайтиса, но при рассмотрении конкретной реализации творческого замысла он нередко ограничивается простым комментированием отдельных метафор, пересказыванием «содержания» стихотво-

рений. Это особенно явно ощущается в русском варианте очерка. Вряд ли такую подмену целостного критического анализа иллюстрированием отдельных положений можно оправдать массово-популярным характером издания.

В лирике Э. Межелайтиса последних десяти лет видно стремление поэта подняться до монументального мировосприятия, соединить явления различных сфер в «едином музыкальном напоре» (если воспользоваться выражением А. Блока). Эти новые тенденции отнюдь не всегда приводят к значительному художественному результату. Нередко цепи ассоциаций так и остаются арифметической суммой разных явлений, не порождая единого музыкального ритма. «Реакция синтеза» чаще всего удается поэту тогда, когда он подступает к тем своим темам, которые и теперь остались для него довольно постоянными. От критического анализа поэзии Э. Межелайтиса и хочется прежде всего ждать конкретного раскрытия взаимодействия экстенсивных и интенсивных ее тенденций. Однако И. Ланкутис, наметив тематическое расширение кругозора поэта, не задается целью раскрыть ядро его поэтической проблематики.

Явно недостаточное внимание уделено в очерке «Человеку» и как единому художественному организму. Несколько импровизационных, к тому же очень неточных замечаний о стихе Э. Межелайтиса дела не меняют.

Достойны внимания рассуждения критика о соотношении общечеловеческого и национального в образе «лирического героя» книги «Человек». Во всесоюзной критике неоднократно подчеркивались национальные истоки этой книги, в то время как литовские исследователи обычно ставят акцент на общечеловеческом ее пафосе.

И. Ланкутис сначала полностью принимает заявление самого поэта о том, что его герой не литовец, не русский, не негр, а «только Человек», говорит о нем как о Человеке Человечества, символе Человека XX века, а потом неожиданно приходит к выводу, что книга Э. Межелайтиса «очень литовская», а ее герой именно «человек, литовец». Это противоречие порождено тем, что критик образ «лирического героя», в сущности, отождествляет с аллегорическим образом человека — «моста меж землю и солнцем», — не раскрывая особенностей мировосприятия поэта, которое питается не только философскими аллегориями, но и конкретным опытом своего времени, своего народа. Думается, что только раскрытие диалектического взаимодействия национальной почвы, породившей книгу Э. Межелайтиса, и общечеловеческих устремлений поэта способно дать более убедительный ответ на выдвинутый вопрос.

Последняя глава очерка посвящена творчеству Э. Межелайтиса после создания «Человека». Автор ставил своей задачей глубже показать то новое качество стиля поэта, которое

достигнуто в его последних произведениях (правда, иногда оно затемняется излишней многословностью и не всегда оправданным экспериментаторством): новое соотношение конкретности и отвлеченно-абстрактных образов, усиление «вещественности» слова. К сожалению, этот замысел полностью не реализован: исследователь (особенно в русском варианте работы), говоря о стремлении поэта начертить «кардиограмму планеты в наши дни», ограничивается в основном лишь анализом развития поэзии Э. Межелайтиса «вширь».

Очерк И. Ланкутиса, как бы обобщая исследования творчества Э. Межелайтиса в литовской и во всесоюзной критике, убедительно показывает сложность и значительность тех проблем, которые выдвигает перед критической мыслью современная литовская литература. Интересные, хотя и не всегда последовательные попытки критика осмыслить творческий опыт одного из ведущих литовских поэтов будут способствовать дальнейшей работе над этими проблемами.

г. Вильнюс

К. НАСТОПКА

ТВОРЧЕСКИЙ ОБЛИК ШОУ*

Жанр книги З. Гражданской — «Очерк жизни и творчества» — во многом определил и ее композицию. Автор рассматривает произведения Шоу в их хронологической последовательности, уделяет достаточно внимания жизненному пути писателя. Исторические справки и биографические детали, как правило, не нарушают цельности книги;

дано отчетливое представление о специфике ирландской действительности конца XIX века. Без повторений общеизвестных фактов описан визит Шоу в СССР, уместно использованы материалы автобиографической книги Шоу «Шестнадцать этюдов о себе».

В главе «Борьба за новую драму» говорится об активных выступлениях Шоу против рутинности и застоя в викторианском театре, выясняются эстетические позиции драматурга в

* З. Т. Гражданская, *Бернард Шоу. Очерк жизни и творчества*, «Промсвещение», М. 1965, 212 стр.